

V. «ТАМБОВСКАЯ КАЗНАЧЕЙША»

Прямые отклики Лермонтова на журнальную полемику немногочисленны. Перед самым выходом в свет «Героя нашего времени» Лермонтов выразил свое отношение к литературной критике в стихах «Журналист, читатель и писатель» (1840), а в предисловии ко второму изданию своего романа (1841) уже прямо ответил на статьи реакционных журналов о «Герое». Лермонтов не только определил общественное значение образа Печорина, и своего критического метода («нужны горькие лекарства, едкие истины»), но и указал на необходимость развития литературной критики: «...обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас».

Предисловие Лермонтова вскоре было полностью перепечатано в статье Белинского о втором издании «Героя нашего времени». Белинский писал эту статью непосредственно после получения известия о неожиданной гибели Лермонтова. Оплакивая утрату, понесенную русской литературой, он вступил в спор с «дикими невеждами и черствыми педантами, которые за буквою не видят мысли» и «в самобытных вдохновениях Лермонтова находят подражание...»¹

Белинский поддержал основные мысли предисловия Лермонтова, утверждая, что в «Герое нашего времени» «автор является решителем важных современных вопросов».

Особенно подчеркивал Белинский своеобразие стиля предисловия: «Какая сжатость, краткость и вместе с тем многозначительность! Читая строки, читаешь и между строками; понимая ясно все сказанное автором, понимаешь еще и то, чего он не хотел говорить...»² На эту многопланность своих произведений указывал и сам Лермонтов, иронизируя над «несчастной доверчивостью некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов».

Полемический стиль Лермонтова в прозе был подготовлен целым циклом его стихотворных произведений. Изучение литературной борьбы тридцатых годов показывает, что в «Тамбовской казначейше», «Сашке» и «Сказке для детей» содержится скрытая полемика с тогдашними журналами.

Эти произведения насыщены намеками на злободневные события политической и литературной жизни. Расшифровка всех этих намеков требует специального исследования, в результате которого может возникнуть новая глава в истории творчества Лермонтова — «Лермонтов-полемист».

В настоящей статье мы ограничимся исследованием полемической направленности «Тамбовской казначейши».

Датировка этой стихотворной повести Лермонтова долгое время колебалась между 1836—1838 гг. Но в последних изданиях сочинений Лермонтова ее уверенно относят к 1836 г. Наша статья подтвердит эту датировку, так как мы находим в «Тамбовской казначейше» живые отклики на борьбу пушкинского «Современника» с «Северной пчелой».

* * *

Стихотворная повесть «Тамбовская казначейша» обрамлена вступительной («Посвящение») и заключительными строфами, в которых содержится литературная декларация поэта. В «Посвящении» он обращает внимание на связь «Тамбовской казначейши» с «Евгением Онегиным», а в заключении отказывается от дидактической концовки с таким же

демонстративным вызовом, как это сделал Пушкин в «Домике в Коломне»:

Больше ничего
Не выжмешь из рассказа моего.
(Пушкин).

Что ж делать! Вот вам мой рассказ,
Друзья, покамест будет с вас.
(Лермонтов).

Известно, что «Домик в Коломне» был написан Пушкиным в 1830 г., в разгар ожесточенной полемики «Литературной газеты» с «Северной пчелой» и другими журналами. Пушкина упрекали за то, что он, находясь в лагере главнокомандующего Паскевича при взятии Арзрума, не воспел подвигов царской армии. Поводом к этим упрекам послужил отрывок из путевых заметок Пушкина, напечатанный в «Литературной газете» — «Военно-грузинская дорога». В ответ на критику официозной печати Пушкин написал шуточную стихотворную повесть. Демонстративным выбором «легкого» сюжета Пушкин защищал право поэта на творческую свободу, отказываясь от навязываемых ему Булгариным верноподданнических тенденций.

«Домик в Коломне» был напечатан в 1833 г., причем строф, насыщенных намеками на журнальную полемику 1830 г., Пушкин не опубликовал.

Однако вся атмосфера ожесточенных литературных схваток Пушкина с Булгариным вновь ожила, когда Пушкин стал издавать «Современник». В первом же томе своего журнала он напечатал полностью «Путешествие в Арзрум». В предисловии к нему Пушкин упомянул, что «ничтожную критику» или «литературную брань» журналистов должно «оставлять без возражения».

Булгарин не замедлил откликнуться: в большой статье, посвященной первому тому «Современника», он повторил свои политические обвинения по адресу Пушкина.

«„Путешествие в Арзрум“ есть не что иное, как холодные записки, в которых нет и следа поэзии... — заявил Булгарин. — И в какую пору был автор в этой чудной стране! Во время знаменитого похода! Кавказ, Азия и война! Уж в этих трех словах есть поэзия»³.

Этим выпадом Булгарин не ограничился. Его рецензия на первый том «Современника» по своим приемам ничем не отличается от тех печатных доносов, за которые он был заклеимен Пушкиным прозвищем «Видок Фиглярин». Сотрудник III Отделения не преминул намекнуть, что в «Современнике» находят себе место политические известия, а монопольным правом на ведение политического отдела пользовалась только «Северная пчела». Булгарин хорошо помнил, что «Литературная газета» была закрыта Бенкендорфом за два упоминания о французской буржуазной революции и за перевод стихотворения Делавиня, посвященного жертвам июльской революции. Ловким приемом он дал понять, что и в «Современнике» проскользнули не замеченные цензурой упоминания о салонах французских политических деятелей Гизо и Тьера. Булгарин заметил это, критикуя стиль «Хроники русского в Париже», напечатанной в I томе и принадлежащей перу А. И. Тургенева. «Неужели ныне так говорят по-русски, — писал Булгарин. — Русский хронист нашел салоны и прихожие, полные посетителей у г. г. Тьера и Гизо»⁴. «„Современник“ есть возобновленная „Литературная газета“ только в другом виде», — заявил он⁵.

Но со времени издания «Литературной газеты» прошло шесть лет. За этот период в литературной критике произошли большие изменения.

Смерть поэта

Стихотворение
Лермонтова,
1837 г.

Поэт поэт! — не бойся вечно —
каль, охватывая живых,
Ся охватывая в груди, и тайно ждешь,
Помилуешь собой своих!....

Невыносима была поэзия
Поэтам! — иль потому и была
Всех нас от прощай иль от себя
Видишь как ты предель — и умиль!
Умиль!... не слышу тебе предель,
Грустна как плавать в тумане, —
и не слышу, не слышу, —
и не слышу, не слышу, —

Судя, слышится, слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
и слышится слышится слышится слыш
и слышится слышится слышится слыш
и слышится слышится слышится слыш
и слышится слышится слышится слыш
и слышится слышится слышится слыш

Ся слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш

и ты убого — с брата слышится,
каль, тащит слышится, слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш

Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш

и ты убого — с брата слышится,
каль, тащит слышится, слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш

Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш

Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш

Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш
Слышится слышится слышится слыш

М. Лермонтов

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ЛЕРМОНТОВА «СМЕРТЬ ПОЭТА», 1837 г.

Сверху помета рукой В. Ф. Одоевского: «Стихотворение Лермонтова, которое не могло быть напечатано»

Публичная библиотека им. М. Е. Седькинова-Щедрина, Ленинград

Отшумел спор о сказках Пушкина и Жуковского; Шевырев и Сенковский выдвинули имена новых поэтов, якобы призванных сменить Пушкина: Бенедиктова, Кукольника и даже Тимофеева. Пушкина обвиняли в отсутствии глубины мысли. Лейтмотивом этого хора критических голосов было утверждение, что Пушкин устарел, исписался, что его поэзия не отвечает более требованиям времени.

В своей зашумительной статье Булгарин в вульгарной форме напомнил об этой полемике, повторив все основные упреки, которые раздавались по адресу Пушкина из разных лагерей тогдашней журналистики.

Выпады свои Булгарин сосредоточил в той части рецензии, в которой он полемизировал со статьей Гоголя «О движении нашей журнальной литературы в 1834—1835 гг.» Напечатанная в I томе «Современника» без подписи, эта статья была воспринята как программное выступление издателя журнала, то есть Пушкина. Ему и адресовал Булгарин свои возражения.

«... распространилось в большой степени чтение романов, холодных скучных повестей — оказалось очень явно всеобщее равнодушие к поэзии», — писал «Современник»⁶.

«Довольно странная жалоба со стороны поэта, — подхватывает это замечание Булгарин. — Пусть нам напишут Кавказского пленника, Бахчисарайский фонтан, Цыган, Светлану и подобное: увидите, будет ли публика равнодушна к поэзии!»⁷

Упомянув «Светлану» Жуковского, Булгарин, несомненно, намекал на спор о «состязании» Пушкина и Жуковского в сказках, давая понять, что публика отдает предпочтение Жуковскому. Далее он прямо развивает эту тему, нагло поучая Пушкина:

«Будьте народным поэтом, и публика не будет равнодушна к поэзии. Ни собственные имена, ни сказочная форма не составляют народности: теперь надобно более, нежели одной музыки в языке, чтобы приковать читателей к поэзии. Д а в а й т е д е й с т в и я , д а в а й т е с т р а с т е й , — поэзия воскреснет»⁸.

Сопоставим эту тираду Булгарина с заключительной строфой «Тамбовской казначейши». Мы увидим, что подчеркнутые нами слова прямо обращены к Булгарину:

И вот конец печальной были,
Иль сказки — выражусь прямой.
Признайтесь, вы меня бранили?
Вы ждали действия? страстей?
Повсюду нынче ищут драмы,
Все жаждут крови — даже дамы...

Смысл этой строфы Лермонтова обычно видели в том, что поэт заявляет здесь об отходе от юношеского романтизма своих кавказских поэм; что его реалистическая повесть в стихах противостоит литературе «кинжалов» и «крови», что он издевается над «расхожими приемами» романтизма и вкусами публики. Объективно это, конечно, верно. Но при этом не замечали, что эта литературная декларация Лермонтова была написана в ответ на статью Булгарина и являлась откликом поэта на злободневные вопросы журнальной борьбы.

Лермонтов иронизирует именно над той публикой, мнение которой взялся представлять Булгарин. «„Современник“ жалуется справедливо на равнодушие публики к поэзии, но и публика имеет справедливые поводы к жалобам», — писала «Северная пчела»⁹.

Остро полемично и декларативное заявление вступительной строфы «Тамбовской казначейши»:

Пускай слыву я старове́ром,
 Мне все равно — я даже рад:
 Пишу Онегина размером:
 Пою, друзья, на старый лад.

Это заявление Лермонтова надо рассматривать не как простое признание своей формальной литературной связи с Пушкиным, а как боевую принципиальную декларацию, направленную против враждебных Пушкину журналов. Это особенно ясно выражено в черновом варианте «Посвящения», где Лермонтов обращается не к безличному читателю, а к «собратьям по перу»:

Пускай слыву я старове́ром
 Между писа́к,— я очень рад.
 Пишу Онегина размером,
 Пою, друзья, на прежний лад¹⁰.

Зная, что в заключительной строфе «Тамбовской казначейши» Лермонтов прямо отвечает на статью Булгарина против Пушкина, мы можем не сомневаться, что под писа́ками он тоже подразумевал Булгарина. Этим именем назвал в 1830 г. и Пушкин своих литературных врагов, обвинявших его в принадлежности к партии «литературных аристократов»:

Смеясь жестоко над собратом,
 Писа́ки русские толпой
 Меня зовут аристократом.
 Смотри, пожалуй, вздор какой!

Так начинается «Моя родословная» Пушкина, его знаменитый политический памфлет на придворную аристократию, написанный по поводу гнусного пасквиля Булгарина на предков Пушкина. Таким образом в «Тамбовской казначейше», помимо прямой полемики с булгаринской статьёй в «Северной пчеле», закрыта и скрытая полемика с политическим врагом Пушкина. «Тамбовская казначейша» внутренне связана с «Домиком в Коломне» и «Моей родословной».

В своей реалистической стихотворной повести Лермонтов не только не был далек от литературной и журнальной борьбы, но вмешался в нее с тем мастерством, которое он впоследствии довел до такого совершенства в предисловии к «Герою нашего времени».

Э. Герштейн

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Герой нашего времени». СПб., 1841.— В кн.: В. Белинский. М. Ю. Лермонтов. Статьи, рецензии. Ред., вступ. статья и прим. Н. И. Мордовченко. Л., 1941, стр. 207.

² Там же, стр. 210.

³ Ф. Булгарин. Мнение о литературном журнале «Современник», издаваемом Александром Сергеевичем Пушкиным на 1836 г. Статья 2-я. (Окончание).— «Северная пчела», 1836, № 129, от 9 июня, стр. 516.

⁴ Там же.

⁵ <Ф. Булгарин.> Ук. соч. Статья 1-я.— «Северная пчела», 1836, № 127, от 6 июня, стр. 508.

⁶ «Современник», 1836, т. I, стр. 218.

⁷ <Ф. Булгарин.> Ук. соч. Статья 1-я, стр. 508.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Тетрадь Чертковской библиотеки, л. 42 (Гос. историч. музей. Отдел письменных источников). Ср. Полн. собр. соч. М. Лермонтова под ред. Д. И. Абрамовича. СПб., 1913, т. V, стр. 37.